

ФОРУМ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-358-376

УДК 821.161.1

О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве»

А.М. Ранчин

Аннотация: Рассматриваются работы о «Слове о полку Игореве» отечественного исследователя А.Н. Ужанкова и ставятся некоторые общие вопросы изучения этого памятника древнерусской словесности.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», отечественная медиевистика, исторические и культурные контексты, интерпретация текста, библейские подтексты

Информация об авторе: Андрей Михайлович Ранчин, д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; Москва. E-mail: aranchin@mail.ru

О «Слове о полку Игореве» написано так много и высказано столько гипотез, замечаний, мнений — от убедительных суждений до безумных фантазий, что появление еще одной книги об этой «трудной повести» едва ли может стать заметным и по-своему удивляющим событием в медиевистике. Стоит сразу сказать: А.Н. Ужанкову это удалось. Событие, правда, оказалось печальным и тревожным.

Монография А.Н. Ужанкова¹ состоит из четырех разделов: ««Слово о полку Игореве». Культурный контекст», ««Слово о полку Игореве». Комплексное исследование», ««Слово о полку Игореве». Открытие и первое издание», ««Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и перевод». Начнем с конца. Новый перевод «Слова» малооригинален, а комментарий еще и крайне лаконичен. Раздел, посвященный открытию и подготовке «песни» к изданию, представляет собой по сути изложение информации из трудов других медиевистов. Первый раздел книги имеет по большей части косвенное отношение к древнерусской «песни» — в нем кратко сообщается о принадлежащей автору теории «литератур-

¹ Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: НИЦ «Академ-книга», 2015. 512 с.

ных формаций», подробно изложенной в более ранних книгах², а также описаны представления книжников Древней Руси о творчестве, о сущности истории, о народе русь и о Русской земле и т.д. С многими суждениями и замечаниями автора можно согласиться (надо, впрочем, признать, что немалая их часть отличается той убедительностью, которая присуща тривиальности), с некоторыми стоило бы поспорить. Однако, как резонно заметил один вымышленный философ и поэт, «нельзя объять необъятное». Поэтому сосредоточимся на главном — на «комплексном исследовании» «Слова». В нем А.Н. Ужанков предлагает новую интерпретацию, датировку и атрибуцию древнерусского памятника. Автор книги так формулирует свою главную задачу: «показать “Слово о полку Игореве” в его религиозном, историко-культурном и литературном контексте» (с. 4). В понимании «Слова» как памятника, укорененного в религиозной книжности и ориентированного на библейские мотивы и образы, А.Н. Ужанков выражает солидарность с известным итальянским славистом Р. Пиккио (с. 4). Ссылается он, правда без указания страниц, и на книгу Б.М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”» (1984, 2000), когда пишет, что древнерусская «повесть» предстает «своеобразной [...] интерпретацией» библейской притчи о блудном сыне (с. 6). Для А.Н. Ужанкова этот евангельский претекст «Слова» исключительно значим, ибо он считает, что в древнерусском памятнике история пленения и возвращения на Русь князя Игоря интерпретируется как наказание за грех, покаяние и спасение грешника, то есть как своего рода вариант притчевого сюжета. Однако ссылка на Б.М. Гаспарова без обозначения страниц оказывается лукавством: получается, что для ее автора новозаветная притча — основной, структурообразующий подтекст «Слова». Но это не так. Автор «Поэтики “Слова о полку Игореве”» помимо этого подтекста находит в произведении реализацию мифологемы временной гибели — воскресения, причем эта мифологема ориентирована как на сюжет крестной смерти и воскресения Христа, так и — в не меньшей степени — на языческие по происхождению мотивы оборотничества и на солярную символику. При этом, по мысли исследователя, разные мотивы — языческие и христианские по происхождению — в тексте древнерусской «песни» удивительным образом синтезируются: «Такое сплетение апокалиптических мотивов, языческого фольклора и древнейших архаических пластов мифологического сознания является одной из самых поразительных

² См., например: Ужанков А.Н. 1) О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII века. М., 1996; 2) Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века.: Теория литературных формаций. М., 2008.

черт художественной структуры «Слова о полку Игореве»³. Характеристика «Слова» как «симбиоза языческих и христианских образов-символов», принадлежащая Б.М. Гаспарову, безмерно далека от редукционистского толкования А.Н. Ужанкова. Для Б.М. Гаспарова библейская притча о блудном сыне, которой в книге посвящено всего лишь несколько страниц⁴, — один из мотивов и кодов «Слова», для А.Н. Ужанкова — это мотив из числа самых главных; что касается языческой образности, он ее попросту игнорирует.

Сюжетный мотив покаяния Игоря, которому придает такое значение А.Н. Ужанков, в тексте «Слова» отсутствует. Чтобы обнаружить его присутствие, автор книги прибегает к более чем странной для профессионального филолога процедуре: он как бы «дописывает» текст «Слова», вчитывает в него этот мотив. Оказывается, «бегство Игоря Святославича [...] из половецкого плена в 1185 г. обусловлено заступничеством Божиим после его раскаяния» (с. 104). Основным аргументом становится соображение, что «в Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться **не** как результат помощи Бога» (с. 309, здесь и далее выделения в цитатах принадлежат автору книги), именование Игоря праведником, освобожденным из рук грешников (это реминисценция из Псалтири — Пс. 36: 32–33) в рассказе Лаврентьевской летописи о походе 1185 (с. 104), вызов Игорем из Руси священника и покаянная молитва новгород-северского князя, содержащаяся в повествовании Ипатьевской летописи (с. 308).

Логика этих соображений довольно странна. Несомненно, для древнерусских книжников освобождение князя Игоря было свидетельством божественного произволения, однако это не основание приписывать Игорю — герою «песни» раскаяние в совершенном. «Слово», как показали многочисленные исследования (назову лишь работы Р.О. Якобсона, И. Клейна, Б.М. Гаспарова, Т.М. Николаевой, Н.С. Демковой, Т.И. Подкорытовой) — произведение мифопоэтической природы, и его персонажа нельзя рассматривать, исходя из логики реального поведения. Так же неправомерно, опираясь на тексты совершенно иного типа — на летописные повести, приписывать свойства «летописного» Игоря — Игорю «песенному». На некорректность такой подстановки, которая была осуществлена А.Н. Ужанковым еще в более ранних работах, давно было указано; автор, однако, предпочел критику проигнорировать⁵. Кроме того, в повести из Лаврентьевской летописи по-

³ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 321–322.

⁴ Там же. С. 298–301.

⁵ См.: Соколова Л.В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела русской ли-

каения Игоря тоже нет (именование праведником объясняется стремлением противопоставить православного русского князя «поганым» половцам — язычникам). В тексте повести из Ипатьевской летописи злосчастный князь действительно кается, но не в богопротивном походе в Степь (в котором, как убежден А.Н. Ужанков, он должен принести покаяние), а в иных грехах — прежде всего, в разорении русского города Глебова.

А.Н. Ужанков, как и Р. Пиккио, трактует поход на половцев 1185 года как греховный, нечестивый. Между тем такой однозначной оценки его нет даже в летописях, тем или иным образом осуждающих новгород-северского князя за самонадеянность. А в «Слове» изображение Игоря, неосмотрительно и горделиво решающегося на такое предприятие, не лишено — наряду с осуждением! — возвеличивания. Характеристика Игоря Святославича: «ниже истягну умь свои крѣпостию своею и поостри сердца своего мужеством»⁶ бесспорно не содержит негативного смысла, о чем свидетельствует семантика составляющих ее лексем и контексты их употребления в других памятниках древнерусской книжности⁷.

По мнению А.Н. Ужанкова, в «Слове» Игорь, как горделивец и алчущий славы завоеватель, противопоставлен князю Владимиру Мономаху, смиренному сердцем радетелю за Русскую землю, инициатору блестящих походов против половцев в начале XII столетия. Именно Мономах, как считает сочинитель рецензируемой книги, подразумевает создатель «Слова» под «старым Владимиром». Мономах для А.Н. Ужанкова идеальный князь Древней Руси: «Названный Владимиром, а в крещении Василием, в честь его деда, крестившего в 988 г. Русь, Владимир Мономах с детства проникся духовной благодатью, а с юности возымел трепетный страх перед Страшным Судом» (с. 78). На чем основывается прозорливость исследователя, знающего, каким был в детстве Владимир, — спрашивать бессмысленно. Так же абсурдно задаваться вопросом, воспринял бы духовную благодать юный княжич, если бы его крестили с именем не Василий, а, например, Георгий.

тературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 57. СПб., 2006. С. 91–92, 101–102; Ранчин А.М. История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 418–423.

⁶ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода–Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 5. Далее «Слово» цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте рецензии.

⁷ Орлов А.С. «Слово о полку Игореве». 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946. С. 90–91; Ранчин А.М. История в «Слове о полку Игореве»... С. 420–421.

Текст, претендующий на научность, превращается в идеологический конструкт — панегирик и даже некое подобие жития. Кстати, автор книги заявляет, что князь жил по Священному Писанию (с. 299) и ничтоже сумняшеся объявляет: Владимир Мономах и почитался на Руси святым, в доказательство чего ссылается на его некролог в Ипатьевской летописи под 6634 (1125) г.: Мономах являл собой «пример благоверного князя, за что и стал почитаем как святой» (с. 279). Однако такая трактовка — свидетельство нечуткости интерпретатора к семантике летописного выражения, и она основана на совершенно превратном толковании текста. Да, в некрологе о Мономахе сказано как о «с(вят)омъ и добромъ кн(язи)»⁸. Но соседство лексемы *святѣи* с другим однородным определением — *добрыи* — неоспоримо свидетельствует, что в данном случае *святѣи* означает не 'отличающийся духовным совершенством и близостью к Богу', а 'праведный, добродетельный'; такое значение у этого слова довольно широко распространено в древнерусской письменности⁹.

А.Н. Ужанков, убежденный в том, что «жизнь свою Владимир Мономах строил по христианским заповедям, памятуя о смерти и Судном дне, на котором ожидал воздаяния по делам своим» (с. 79), противопоставляет Мономаха и его отца князьям — потомкам Святослава и Олега Черниговских (Игоревых прадеда и деда): «Обращает на себя внимание тот факт, что половцы выступают союзниками черниговских князей — Святославичей (впоследствии — Ольговичей), а Всеволод Ярославич и Мононаховичи воюют постоянно против половцев [...]» (с. 277). Реальность, увы, весьма далека от этой незатейливой антитезы. А.М. Панченко, в осведомленности и непредвзятости которого вряд ли можно усомниться, когда-то констатировал, следуя свидетельствам летописей и самого князя, оставленным в его Поучении: «[...] в княжьем ремесле, в мирском поведении десятословие и нагорная проповедь им нисколько не учитывались»¹⁰. Между прочим, сам А.Н. Ужанков признает, что Владимир не по праву захватил принадлежавший Олегу Чернигов (см. с. 278–289), так что «крамольник» и «зачинатель междоусобиц» Олег воевал за свое достоинство против узурпатора. Уступка же Чернигова Олегу в 1094 г. объясняется, конечно же, не миролюбием Мономаха, как, вслед за автором Поучения, заявляет небеспристрастный исследователь (см. с. 279), а

⁸ Полное собрание русских летописей. 3-е изд. М., 1998. Т. 2. Стб. 289, л. 108.

⁹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Глав. ред. В.Б. Крысько. Т. 11: (сѣѣне — стѣгъ). М., 2016. С. 73.

¹⁰ Панченко А.М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 59.

военным превосходством Олега, и именно «Гориславич», как давно заметил историк В.В. Мавродин, в этой ситуации проявляет милосердие и благородство, позволяя своему сопернику беспрепятственно покинуть Чернигов¹¹.

Половцев же не приглашал на Русь только ленивый, не брезговал такими союзами и автор Поучения, в чем откровенно и без какого-либо стыда и признавался, гордясь разорением русского города Минска в союзе со степняками: «и на ту осень идохомъ с Черниговци . и с Половци . с Читѣвичи . к Мѣньску . изъехахомъ город . и не вставихомъ оу него ни челѣдина . ни скотины»¹².

По мнению автора книги, неудачный поход князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. противопоставлен победоносным боевым действиям 1111 г., главным организатором и инициатором которых был Мономах: «Владимир Мономах дает решающую битву на границе Руси и Половецкой степи, у города Шаруканя, у начала Дона, когда он еще течет по Русской земле. Игорь Святославич направляет свои войска в середину Половецкой земли и далее — к устью Дона! Поход Владимира Мономаха преследует оборонительные цели; поход же Игоря Святославича получается *завоевательным!*» (с. 283, ср. с. 301); Одно из доказательств этих захватнических поползновений новгород-северского правителя — фраза «Слова» об Игоре и его брате Всеволоде, вложенная в уста бояр Святослава Киевского: «Се бо два сокола слѣтѣста съ отня злата стола, поискати града Тьмутороканя» (Изд. 1800 г. С. 24), указывающая якобы на далеко простиравшиеся планы Игоря (с. 300). Неблагодарный характер похода проявляется в выборе времени: войска выступают против половцев на Пасху, когда нужно думать о душе, а не о славе. А.Н. Ужанков безапелляционно резюмирует: «Совершенно очевидно, что праведному походу под предводительством Владимира Мономаха противопоставлен неправедный поход (славы ради) Игоря Святославича» (с. 298).

В действительности всё это далеко не очевидно. Мало того, такая трактовка разительным образом не согласуется ни с семантикой «Слова», ни с историческими фактами, эта хлипкая конструкция держится на неприкрытых подтасовках. Что касается похода 1111 г., предоставим слово авторитетному историку. «Решающий перелом в войне с половцами» был достигнут благодаря тому, что «военные действия были перенесены в Степь. Русским

¹¹ См.: Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 252; ср. характеристику розни между Олегом и Владимиром другим историком: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 463.

¹² Полное собрание русских летописей. 3-е изд. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 248, л. 81 об.

удалось выявить слабое место своего врага. Нападая весной на половецкие становища и разоряя их, они подрывали жизненный и экономический потенциал противника, истребляли его живую силу, лишали возможности совершать набеги на русские земли»¹³. Поход 1111 г. с формальной стороны был актом агрессии против Степи (половецкий город Шарукань стоял, естественно, вне русских границ), хотя и не являлся завоевательным: ни Мономах, ни другие князья не стремились захватить южные степи, представлявшие интерес и ценность лишь для кочевников или полукочевников половцев. Это был прежде всего превентивный удар, а уже затем — поход за славой и добычей. (О том, что князь Владимир не был глух к «звону» славы, явственно говорит текст написанного им Поучения.) Игорев поход 1185 г. также был агрессивным, но отнюдь не завоевательным: как давно было доказано, с относительно малым войском Игорь не мог рассчитывать выйти к донскому устью и тем более закрепиться в Тмуторокане, который к тому же в это время, по-видимому, принадлежал не половцам, а Византии. Слова бояр Святославу — эпическая гипербола, одна из многих в древнерусской «песни»; такая же, как наделение относительно слабого, не полновластного Святослава мощью и «грозою» или как утверждение, что Всеволод Большое Гнездо может «раскропить» Волгу веслами, а Дон вычерпать шлемами своих воинов. (Впрочем, если бы Игорь лелеял такой безумный замысел, он был бы для древнерусского книжника и его аудитории воплощением безрассудства, но вовсе не агрессором: Тмуторокань, в котором некогда княжил Игорев дед Олег, мог считаться родовым достоянием новгород-северского князя, его «дединой».)

Что же до кощунственного выбора времени для выступления войск, то ни один из текстов, посвященных походу 1185 г., именно за это князя Игоря Святославича не осуждает.

Речь порой «заводит далеко» не только поэта, но и ученого. Объясняя, почему автор «Слова» назвал битву Игоря с половцами трехдневной (она длилась чуть более суток, то есть два дня — субботу и утро воскресенья), А.Н. Ужанков усматривает здесь контрастную переключку с событиями 1111 г., когда русские войска дважды схватывались со степняками: сначала в пятницу, а потом в понедельник: в «Слове» для создания такой соотнесенности отсчет ведется от начала сражения, конец которого намеренно приурочен не к воскресенью, а к понедельнику — дню второй победы в 1111 г. (с. 287). Остается лишь изумленно воскликнуть: какая странная арифметика! В летописном рассказе о событиях 1111 г. действия в пятницу и схватка в понедельник — это два разных сражения, а не одно трехдневное, и отсчет дней от пятни-

¹³ Карпов А.Ю. Владимир Мономах. М., 2015. С. 127.

цы до понедельника отсутствует¹⁴. (К слову, это четыре, а не три дня.) Каким же изощренным «тайнописцем» нужно счесть автора «трудной повести» и какими гениальными «криптологами» его читателей, чтобы увидеть в тексте «Слова» такой изощренный шифр! Не проще ли, например, посчитать, что в «Слове» отсчет ведется от пятницы, как дня первого столкновения Игоря с неприятелем, до воскресенья? Временная характеристика сражения в этом произведении, действительно, несколько загадочна (обычно в ней видят символические смыслы), но предложенное А.Н. Ужанковым толкование ее абсолютно произвольно.

Игорь в «Слове» представлен неоднозначно. С одной стороны, поход малыми силами против половцев без поддержки и согласия киевского властелина и его соправителя Рюрика Ростиславича — проявление своеволия и самонадеянности и даже вызов Судьбе или Провидению, воля которого выразилась в затмении солнца. С другой — это свидетельство храбрости и мужества, и злосчастный Игорь, и особенно его брат Всеволод Буй Тур представлены героями. Финальная здравица в тексте памятника: «Пѣти слава Игорю Святѣславича, Буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣкы. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь» (Изд. 1800 г. С. 46), очевидно, обращена именно к князьям-участникам похода 1185 г., который осмысливается не только как набег за славой и трофеями, но и как один из подвигов в долгой борьбе против «поганных» язычников ради христиан, то есть Русской земли. Правда, автор книги приписывает прозванию Всеволода негативную семантику, хотя и признает, что в древнерусских памятниках, пусть и нечасто, слово *буеть* имело и «положительный оттенок» — как отвага (с. 302). Но ведь в «Слове» подвиги Всеволода на поле брани героизируются, так что можно как минимум утверждать, что для автора значимы не только негативные, но и позитивные коннотации именованья Буй Тур; мало того — присутствие отрицательной семантики требует сильных доказательств.

Кстати, сам А.Н. Ужанков в одном месте своей книге пишет, что в «Слове» есть «подчеркивание общерусского значения похода на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича, “иже истягну умь крепостию своею..., наполнився ратного духа, наведе своя храбрья плѣкы на землю Половецкую за землю Руськую”» (с. 333), тем самым отрицая свою главную идею о безусловном осуждении Игоря похода автором «песни».

Игорь во многом подобен герою старофранцузской «Песни о Роланде»: «Роланд всегда выступает в ореоле военной славы.

¹⁴ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 2. Стб. 266–268, л. 99 об.–100.

Он — лучший из рыцарей Карла [...] Он начинает бой, и, описывая его подвиги, автор “Песни” не может сдержать своей воинственной фантазии: враги падают десятками и сотнями. [...] Но в этом идеальном воинском образе есть и отрицательные черты. Его друг-побратим Оливьер [...] говорит ему: “Очень горяч и горделив ваш норов”. Все дальнейшее подтверждает слова Оливьера¹⁵.

Завершая разбор этого «сюжета» книги, нужно признать, что нет никаких оснований вообще считать отношение автора «Слова» к Владимиру Мономаху панегирическим или апологетическим. *Бессспорно* этот властитель упомянут в древнерусском тексте лишь единожды, причем отнюдь не лестным для него образом: «Владимирь по вся утра уши закладаше [закладывал, закрывал, могут подразумеваться как собственно уши, так и воротные проемы. — А.Р.] въ Черниговѣ» (Изд. 1800 г. С. 15), слыша звон славы своего соперника в борьбе за черниговский престол — Игореву деда Олега Святославича. Как бы ни относился сочинитель «песни» к Олегу Святославичу (его оценка — предмет долгого ученого спора), Владимир Мономах, опасющийся Олега и затворяющий ворота/уши днем, предстает личностью вовсе не героической.

Настаивая на том, что «старый Владимир» в «Слове» — это не Владимир Святой, а Владимир Мономах, А.Н. Ужанков обнаруживает в памятнике соотнесенность Владимир Мономах как глава Мономаховичей ↔ Игорь Святославич как глава клана Ольговичей. Но в тексте такая корреляция нигде не выражена. К тому же если Мономах был прародителем Мономаховичей, то Игорь — всего лишь один из потомков Олега Святославича. Считать же героя «Слова» главой Ольговичей можно было только с 1198 г., когда он стал старшим в этом клане. Между тем датировать произведение временем не раньше 1198 г. как будто бы нет оснований.

Впрочем, А.Н. Ужанков как раз настаивает на поздней датировке и пытается доказать, что «Слово» было создано осенью–зимой 1200 г. (с. 273), относительно незадолго до кончины главного героя, которую исследователь почему-то приурочивает ко времени вскоре после 22 декабря 1200 г., хотя летописи относят ее к 1202 г.¹⁶ Основания для этой датировки таковы: во-первых, в «Слове» о Всеволоде Большое Гнездо сказано: «Ты бо можеши

¹⁵ Самарин Р.М. «Песнь о Роланде» и проблемы литературного анализа // Самарин Р.М. Зарубежная литература: Учебное пособие для филологических специальностей / Предисл. А.В. Русаковой; Послесл. Б.Л. Сучкова. М., 1978. С. 34–35.

¹⁶ Ср.: Прохоров Г.М., Творогов О.В. Игорь Святославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 238; Горский А.А. «Всею еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 23.

Волгу веслы раскропоти, а Донъ шеломы выльяти» (Изд. 1800 г. С. 28) — то есть подразумевается поход Всеволода на Дон в 1198 г.; здесь А.Н. Ужанков развивает наблюдения украинского историка Б.И. Яценко (с. 241, 268); во-вторых, говорится: «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (Изд. 1800 г. С. 39–40), а «отним», отцовским мог быть назван не новгород-северский престол, а более высокий черниговский, который тоже занимал отец Игоря Святослав Ольгович и на который его сын взошел только в 1198 г. (с. 253, 268–269) — и в этом случае автор книги следует за Б.И. Яценко; в-третьих, это слова «Половцы сулицы своя повръгоша, а главы свою подклониша подь тыи мечи харалужнии» (Изд. 1800 г. С. 32), которыми создатель «песни» обозначил могущество волынского князя Романа Мстиславича — эти строки будто бы содержат аллюзию на победоносный поход Романа, видимо состоявшийся в 1200 или начале 1201 г. (с. 272–273). У А.Н. Ужанкова есть и другие соображения в пользу своей датировки, но три перечисленные являются главными.

Что касается первого и третьего доказательства, то они — следствие игнорирования поэтической (в самом широком смысле) природы древнего творения, глухоты к его смыслу — художественному, а не документальному. И в обращении к Всеволоду, и в словах, адресованных Роману, заключена эпическая гипербола, вовсе не обязательно предполагающая реальные походы на степняков. Подходя же к «Слову» так, как это делает А.Н. Ужанков, мы вынуждены будем признать, что целью похода было завоевание Тмутороканя, битва длилась три дня, Путивль стоял на Дунае, до которого простирались границы княжества Ярослава Осмомысла. К тому же в монологе автора, обращенном к Всеволоду Большое Гнездо, прямо говорится о том, что князь *может* («можетши») совершить поход на Волгу и Дон, а не о том, что он такой поход предпринял в действительности.

Но обе эти трактовки по крайней мере допустимы. С якобы черниговским «отним» столом всё намного хуже. Здесь мы сталкиваемся уже не с пренебрежительным отбрасыванием более чем вероятного тропеического, а не фактического смысла, а с примером замалчивания точного указания, которое содержится в тексте «Слова». Еще довольно давно А.А. Горский заметил, что «отень» престол может быть именно новгород-северским, а не черниговским¹⁷; А.Н. Ужанков на его работу сослался, но соображения автора опровергать не посчитал нужным (с. 255). Между тем в тексте «трудной повести» есть прямое свидетельство, что «отним» для

¹⁷ Горский А.А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 34.

Игоря ее творец называл именно престол новгород-северский; это уже процитированная выше речь бояр к Святославу Киевскому: приближенные Святослава метафорически именуют Игоря и его брата «соколами», которые выступили в поход 1185 г. — «слѣтъста съ отня злата стола» (Изд. 1800 г. С. 24). Естественно, речь здесь может идти только о Новгороде-Северском, где некогда правил их отец и откуда вышел с войсками Игорь.

Поздняя дата, названная А.Н. Ужанковым, не согласуется с концовкой «песни», где провозглашается слава и здравица князьям — участникам похода. Между тем один из упомянутых в этом фрагменте князей, Всеволод Буй Тур, умер еще в 1196 г., так что традиционно эта дата считалась верхней границей, *terminus ante quem* для «Слова». А.Н. Ужанков ограничивается маловразумительным замечанием, что славу могли петь и мертвым (с. 262–263). Но могли ли здравицу? Между тем пожелание «Здрави Князи и дружина» (Изд. 1800 г. С. 46) следует сразу за возгласением славы северским князьям и несомненно относится к ним. Кроме того, довольно странно полагать, что автор мог в одном высказывании смешать живых и мертвых: а ведь получается, что славословие приносится здравствующим Игорю и его сыну Владимиру и покойному к 1200 г. брату Всеволоду. И наконец, если отказаться от понимания славословия как обращения к живым, ничто не помешает — если якобы найдутся какие-то переклички с историческими событиями 1210-х гг., например, — отнести создание «песни» ко времени после смерти главного героя. Пренебрегая традиционным взглядом на эти слова как на обращения к живым, мы вообще стираем верхнюю границу датировки.

Еще слабее аргументирована атрибуция — приписывание авторства монаху, которого автор книги отождествляет с выдубицким игуменом Моисеем. А.Н. Ужанков, проследившая в «Слове» переклички с Книгой пророка Иеремии, утверждает, что на Руси до 1499 г. был известен перевод лишь отдельных фрагментов в составе Паремийника, а совпадения древнерусского памятника и ветхозаветной книги выходят за их рамки. Из этого утверждения делается вывод: автор должен был читать Книгу Иеремии на греческом, что, скорее всего, мог именно монах (с. 343, 345). Увы, это утверждение не соответствует истине. На Руси был известен помимо фрагментарного перевода в составе толковых пророчеств, который подразумевает автор книги, еще и мифодиевский перевод; он тоже неполный, но по выбору фрагментов из Иеремии во многом дополняет тот, о котором писал А.Н. Ужанков. Наконец, известен сохранившийся в небольшом отрывке еще один славянский перевод¹⁸. Каким он был по объему, неизвестно.

¹⁸ См.: *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 93, 109, 117.

Обращение *братие*, принадлежащее автору «Слова», А.Н. Ужанков считает адресацией к монашеской аудитории, не принимая во внимание, что оно в древнерусских текстах — в летописях, в одной берестяной грамоте, в Сказании о Борисе и Глебе — часто подразумевает мирян, прежде всего дружинную среду. О такой семантике этой лексемы писали задолго до выхода ужанковской книги¹⁹.

Некоторое сходство «песни» о князе Игоре с рассказами киевского летописного свода, приписываемого исследователями игумену Моисею, совершенно недостаточно для далекоидущих выводов об авторе «Слова».

Но главное — «Слово», при всей относительной приемлемости таких категорий, как религиозная и светская литература, памятник светский, очевидно в очень сильной степени ориентированный не только на книжную, но и на фольклорную традицию, насыщенный языческой по происхождению образностью. Все это препятствует гипотезе о его возникновении и исконном бытовании в монашеской среде.

К сожалению, игнорирование идей и аргументов, не совпадающих с авторскими, — весьма яркая черта книги А.Н. Ужанкова. Эпитет Игорева деда Олега в «Слове» — *Гориславич* — он безапелляционно трактует, как 'принесший много горя' (с. 77), хотя допустимо и понимание 'горящий славой'²⁰, и толкование 'пертерпевший много горя'. (Напомню, что Лаврентьевская летопись под 6636/1128 г. приводит прозвание Рогнеды *Горислава*, бесспорно указывающее на ее печальную судьбу²¹.) В книге неоднократно встречаются всецело одобрительные, без каких-либо оговорок или новых аргументов «за», ссылки на известную концепцию А.Н. Робинсона, считавшего, что в сознании древнерусского общества XII в. судьба, и в частности смерть, Ольговичей прочно соотносилась с солнечными затмениями и с солярным мифом, хотя эта яркая, но построенная на неверных посылах идея была недавно блестяще опровергнута²². В новой книге А.Н. Ужанков без оговорок повторяет свою, предложенную в более ранних работах, датировку произнесения «Слова о Законе и Благодати» Илариона (который, как он почему-то полагает, якобы почитался на Руси

¹⁹ См.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 295, 298; *Ранчин А.М.* История в «Слове о полку Игореве»... С. 422–423.

²⁰ *Никитин А.Л.* «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2004. Вып. 11. С. 658–659.

²¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 300, л. 99 об.

²² См.: *Максимов В.Н.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы (по следам публикаций А.Л. Никитина и А.Н. Робинсона) // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2008. Сб. 13 / Отв. ред. Д.С. Менделеева. С. 413–424.

как святой — см. с. 49) кануном Пасхи 25 марта 1038 г. (с. 97; ср. с. 122, 233–234), несмотря на то что в последнее время было показано: проповедь не могла быть составлена до рождения у Ярослава Мудрого первых внуков, то есть до самого конца 1030-х — середины 1040-х гг.²³

Предлагая конъектуру *пытью горазду* ('пытливому человеку-умельцу' — с. 60) вместо выражения *птицю горазду* в первом издании «Слова» (Изд. 1800 г. С. 37), А.Н. Ужанков, не отмечая, что такое чтение было предложено задолго до него Л.А. Булаховским, даже не упоминает о много раз отмечавшейся уязвимости такой правки: слово *пытць* неизвестно в древнерусской книжности²⁴. Плач Ярославны он (впрочем, не первым) трактует как род христианской молитвы, попросту игнорируя его сходство с заклинанием-заговором, подробно прослеженное Б.В. Сапуновым²⁵.

Книга А.Н. Ужанкова не лишена неточностей, порой весьма грубых. Ограничусь парой примеров: старая и хорошо известная специалистам монография В.Ф. Миллера «Взгляд на Слово о полку Игореве» (1877) дважды — в тексте (с. 322) и в сноске (с. 360, примеч. 137) приписана некоему В.Р. Миллеру. Утверждается, что до Игоря никто из русских князей не попадал в плен (с. 299), хотя «в 1154 г. половцами был захвачен Святослав Всеволодович, будущий великий князь и один из героев “Слова о полку Игореве”» — правда, во время междоусобицы на русской земле²⁶.

К сожалению, автор рецензируемой книги не чурается и откровенных искажений и инсинуаций. Отстаивая свое первенство в обнаружении в «Слове» перекличек с Книгой Иеремии, он обвиняет меня в несправедливом приписывании этого открытия Р. Пиккио и даже в искажении ссылок: «Вызывает удивление стремление нынешнего профессора МГУ А. Ранчина отдать приоритет открытию влияния Книги пророка Иеремии на “Слово” итальянскому ученому Р. Пиккио, с которым я, якобы, соглашались²⁷. Р. Пиккио *не обнаружил* (!) этого влияния Книги пророка

²³ См.: *Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. München, 1995. Т. 8. No 1. P. 56–57; *Назаренко А.В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 г.). С. 193–194, примеч. 68; *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 539–540, примеч. 20.

²⁴ См.: *Творогов О. В.* Птицы // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 189.

²⁵ *Сапунов Б. В.* Ярославна и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 321–329.

²⁶ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...». С. 27.

²⁷ См.: *Ранчин А.М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 115. Прим. 31. — Примеч. А.Н. Ужанкова. — *А.Р.*

Иеремии на “Слово”, о котором я писал еще в 1994 г.²⁸ Приведенная А.М. Ранчиным параллель между Игорем, желавшим “испити шеломом Дону” и “желавшими” из Израиля “пить воду из Нила”, взята им из моих работ, а не Р. Пиккио» (с. 359, прим. 133).

Весь этот пассаж — сплошная череда передержек и фальсификаций. В своей книге, которая, кстати, является учебным пособием (что скрыл А.Н. Ужанков, не приведя ее подзаголовков), а отнюдь не научной работой, и потому не претендует на полноту информации об истории изучения «Слова», приводя ряд наблюдения итальянского слависта, я писал далее о согласии с ним А.Н. Ужанкова в подходе к этому произведению как к памятнику религиозной литературы, а не о приоритете в обнаружении конкретных реминисценций из библейских книг. Причем слово «соглашаюсь» точно отражает позицию самого А.Н. Ужанкова, выраженную в его статье, на которую я и ссылался и в которой сказано: «Совершенно прав Р. Пиккио»²⁹. Эти слова согласия повторены и в рецензируемой книге (см. с. 313). Первой работой Р. Пиккио, выявляющей библейские подтексты в «Слове», была отнюдь не статья 1997 г.: итальянский ученый обратился к этой теме еще в 1970-е гг., и соответствующие работы перечислены им в одном из примечаний статьи, на которую ссылается А.Н. Ужанков³⁰. Указание на переключку с Иер. 2:18 в статье Р. Пиккио есть — имеющий очи да видит³¹.

Насильственное подчинение изучаемого предмета заданной идеологической идее о «Слове» как памятнике с религиозным содержанием, с доминантными мотивами греха и покаяния, пренебрежение аргументами, этой идее противоречащими, способны сформировать весьма тягостное впечатление не только от принципов работы автора, но и от книги в целом. Между тем она не лишена некоторых частных достоинств. Хорошо прослежена эволюция описаний природы в Задонщине (где господствуют принцип сравнения, а не символизации, и большая фактическая точность) в сопоставлении со «Словом» (с. 190–191), интересен анализ описаний природы в житиях Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского (с. 194–195). Правда, в отличие от автора книги я бы не

²⁸ См.: Ужанков А. Н. Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 20. — Примеч. А.Н. Ужанкова. — А.Р.

²⁹ Ужанков А.Н. В свете затмения. Христианские основы «Слова о полку Игореве». — www.pravoslavie.ru/archiv/slovo-christianosnov.htm

³⁰ См.: Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб., 1997. Т. 50. С. 431, примеч. 3.

³¹ См.: Там же. С. 436.

употреблял по отношению к древнерусской словесности понятие пейзаж: изображение природы в ней строится по принципу перечня отдельных признаков, как характеристика, а не как «картина», которой является пейзаж в строгом смысле слова. В главе «Можно ли алгеброй проверить гармонию?» (с. 291–294) заслуживают внимания аргументы против гипотезы А.И. Соболевского — Н.К. Гудзия о необходимости объединить два упоминания о затмении в тексте «Слова» (ученые таким образом предлагали устранить якобы произошедшую порчу вследствие ошибки переписчика, перепутавшего листы рукописи). Впрочем, нельзя игнорировать и свидетельство в пользу такой конъектуры: оба оторванных друг от друга фрагмента объединяет анафора «Тогда». Убедительны предположение о Книге Иеремии как одном из претекстов «Слова» и названные в тексте конкретные примеры переключек (глава «Книга пророка Иеремии и “Слово о полку Игореве”» — с. 296–322). Здесь же есть любопытные замечания о поэтике света в древнерусском памятнике, об оксюмороне и антитезе (с. 304–307, 314–321). Интересны наблюдения по поводу ритмического сходства «Слова» и Галицкой летописи (с. 328–329). Однако все эти ценные мысли и замечания меркнут, «заволакиваются тьмой» из-за общего предвзятого подхода.

Библейский пласт в «Слове» находится в сложном взаимодействии и сплетении с другими пластами, древнерусская «повесть» не поддается прочтению как история о грехе, покаянии и спасении князя Игоря. Библейская по происхождению образность в «Слове» приобретает дополнительную семантику, не до конца ясную. О том, сколь радикальным могли быть семантические трансформации реминисценций из Священного Писания, свидетельствует Слово (Моление) Даниила Заточника — памятник во многом столь же выбивающийся из древнерусской книжности, как и «песнь» об Игорево походе: Даниил применяет к князю эротическую образность из Песни Песней, которая в церковной традиции истолковывалась как аллегория союза и любви Христа и Церкви.

А.Н. Ужанков в своей книге считает литературным контекстом «Слова» религиозную словесность. Между тем памятник из-за своей уникальности и жанрово-семантической неопределенности в этот контекст не вписывается, в главном он вообще выпадает из древнерусской словесности, следствием чего является герменевтическая проблема, если не катастрофа, описанная Б.М. Гаспаровым: исследователи должны реконструировать структуру произведения и истолковывать его без опоры на ключи и подсказки, которые должны даваться таким контекстом³².

³² Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 5.

Книга А.Н. Ужанкова высветила две особенности, одна из которых свойственна изучению «Слова о полку Игореве», а вторая характеризует состояние современного российского литературоведения. Изучение «Слова», на мой взгляд, переживает кризис, если не зашло в тупик. С одной стороны, о памятнике написана целая библиотека исследований, проанализирована буквально каждая лексема. С другой — все обобщающие вопросы и попытки ответа на них продолжают вращаться вокруг одних и тех же камней преткновения: «Слово» — устный или письменный по происхождению памятник? каков его жанр? какова авторская позиция? как соотносятся языческие и христианские элементы? это цельный текст или он сформировался посредством позднейших наслоений на первоначальное ядро? Убедительных решений этих проблем нет и — по недостатку сведений, — боюсь, быть не может. Пока что у многих взаимоисключающих точек зрения есть свой набор доказательств, во всех случаях аргументы оказываются неполными. Наши интерпретации ускользающего, переменчивого и обманчивого текста едва ли не неизбежно оказываются не обретением истины, и играми ума.

Вторая особенность — это идеологизация филологических интерпретаций, за которой закрепилось наименование религиозная филология³³. Обыкновенно изъяны такого подхода проявляются при изучении литературы Нового времени. Естественно, в отношении абсолютного большинства древнерусских сочинений тотальная интерпретация в свете Священного Писания абсолютно оправдана. Случай «Слова», однако же, иной. А.Н. Ужанков — по своему статусу профессиональный филолог-медиевист, автор многочисленных книг, в прошлом научный сотрудник ИМЛИ РАН, до недавнего времени — проректор Славянской академии и Литературного института, его книга была рекомендована к печати Ученым советом Литинститута и вышла под его грифом и под грифом Комиссии по изучению духовных основ русской культуры РАН. В его случае игнорирование альтернативных гипотез, идей и мнений не может быть списано на дилетантизм. Это сознательная позиция: ведь без такой процедуры истолкование «Слова», предложенное автором книги, не будет внешне убедительным даже для читателя-неспециалиста.

Само же издание такой книги в качестве авторитетного научного труда³⁴, со всеми подобающими «регалиями» — тревожный

³³ См. об этом, например: *Бочаров С.Г. Р.С. О религиозной филологии* // Бочаров С.Г. *Сюжеты русской литературы*. М., 1999. С. 588.

³⁴ Само название книги явно соотнесено с классическим сборником статей Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (Л., 1978).

симптом общего состояния гуманитарной науки³⁵, в которой начинают размываться границы между ученым трудом и идеологическим опусом.

Литература

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999.
- Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.
- Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
- Горский А.А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Карпов А.Ю.* Владимир Мономах. М., 2015.
- Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Мавродин В. В.* Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002.
- Максимов В.Н.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы (по следам публикаций А.Л. Никитина и А.Н. Робинсона) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 413–424.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Никитин А.Л.* «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 658–659.
- Орлов А.С.* «Слово о полку Игореве». 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946.
- Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 50. СПб., 1997.
- Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. München, 1995. Т. 8. № 1. Р. 56–57.
- Панченко А.М.* Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 50–59.
- Ранчин А.М.* История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 418–423.
- Ранчин А.М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012.
- Ранчин А.М.* «Слово о полку Игореве»: поиски контекста // Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 4. СПб., 2016. С. 19–40.
- Самарин Р.М.* Зарубежная литература: Учебное пособие для филологических специальностей / Предисл. А.В. Русаковой; Послесл. Б.Л. Сучкова. М., 1978.
- Сапунов Б.В.* Ярославна и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 321–329.
- Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Соколова Л.В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в ле-

³⁵ Случай А.Н. Ужанкова — не единичный пример «религиозно-филологического» подхода к «песни» об Игорево подходе; см. об этом: *Ранчин А.М.* «Слово о полку Игореве»: поиски контекста // Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 4. СПб., 2016. С. 19–40.

тописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 57. СПб., 2006. С. 91–102.

Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: НИЦ «Академкнига», 2015. 512 с.

Ужанков А.Н. О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII века. М., 1996.

Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века: Теория литературных формаций. М., 2008.

Ужанков А.Н. Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994.

References

Alekseev A.A. *Tekstologija slavianskoi Biblii* [The text of the Slavonic Bible]. St.-Petersburg, 1999. (In Russ.)

Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow, 1999. (In Russ.)

Gasparov B.M. Poetika «Slova o polku Igoreve» [Poetics of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Gorskii A.A. «Vsego esi ispolnena zemlia Russkaia...»: *Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ia: Oчерki* [“In all you fulfilled the Russian land ...”: Personalities and mentality of the Russian Middle Ages: Essays]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Gorskii A.A. Problema daty sozdaniia «Slova o polku Igoreve» [The problem of the date of the creation of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. *Issledovaniia «Slova o polku Igoreve»* [Studies of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. Moscow, 1986. (In Russ.)

Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Ancient Novgorod dialect]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Karpov A.Iu. *Vladimir Monomakh* [Vladimir Monomakh]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Karpov A.Iu. *Iaroslav Mudryi* [Yaroslav the Wise]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Mavrodin V.V. *Oчерki istorii levoberezhnoi Ukrainy (s drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV veka)* [Essays on the history of left-bank Ukraine (from ancient times to the second half of the 14th century)]. St.-Petersburg, 2002. (In Russ.)

Maksimov V.N. Nevidimye zatmenia i fal'shivye solnechnye simvolы (po sledam publikatsii A.L. Nikitina i A.N. Robinsona) [Invisible eclipses and fake solar symbols (following the publications of AL Nikitin and AN Robinson)]. *Герменевтика древнерусской литературы* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 2008, no. 13, pp. 413–424. (In Russ.)

Nazarenko A.V. *Drevniaia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia)* [Ancient Rus and the Slavs (historical and philological studies)]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Nikitin A.L. «Slovo o polku Igoreve» v kontekste izucheniia drevnerusskoi istorii i literatury [“The Tale of Igor’s Cap-maign” in the Context of the Study of Old Russian History and Literature]. *Герменевтика древнерусской литературы* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 2004, no. 11, pp. 658–659. (In Russ.)

Orlov A.S. «Slovo o polku Igoreve» [“The Tale of Igor’s Cap-maign”]. 2-e, dop. izd. Moscow, 1946. (In Russ.)

Pikkio R. «Slovo o polku Igoreve» kak pamiatnik religioznoi literatury Drevnei Rusi [“The Tale of Igor’s Cap-maign” as a monument of religious literature of Ancient Rus]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. 1997, vol. 50. (In Russ.)

Poppe A. O zarozhdenii kul'ta svv. Borisa i Gleba i o posviaschennykh im proizvedeniakh [On the origin of the cult of the Holy. Boris and Gleb and the works dedicated to them]. *Russia Medievalis*. München, 1995, vol. 8, no. 1, pp. 56–57. (In Russ.)

Panchenko A.M. Esteticheskie aspekty khristianizatsii Rusi [Aesthetic aspects of the Christianization of Rus]. *Russkaia literatura*. 1988, no. 1, pp. 50–59. (In Russ.)

Ranchin A.M. Istoriiia v «Slove o polku Igoreve»: «starye» i «nyneshnie» kniaz'ia [History in “The Tale of Igor’s Campaign”: “old” and “current” princes]. In: Ranchin A.M. *Vertograd zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd the golden-haired: Old Russian bookishness in the interpretations, analysis and comments]. Moscow, 2007, pp. 418–423. (In Russ.)

Ranchin A.M. *Putevoditel' po «Slovu o polku Igoreve»* [Guide to “The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, 2012. (In Russ.)

Ranchin A.M. «Slovo o polku Igoreve»: poiski konteksta [“The Tale of Igor’s Campaign”: the search for context]. *Tekst i traditsiia: Al'manakh* [Text and Tradition: Almanac]. St.-Petersburg, 2016, no. 4, pp. 19–40. (In Russ.)

Samarin R.M. *Zarubezhnaia literatura: Uchebnoe posobie dlia filologicheskikh spetsial'nostei* [Foreign Literature: A Textbook for Philological Specialties]. Predisl. A.V. Rusakovoi; Poslesl. B.L. Suchkova. Moscow, 1978. (In Russ.)

Sapunov B.V. Iaroslavna i drevnerusskoe iazychestvo [Yaroslavna and Old Russian paganism]. «*Slovo o polku Igoreve*» – *pamiatnik XII v.* [“The Tale of Igor’s Campaign” – a monument of the 12th century]. Moscow, 1962, pp. 321–329. (In Russ.)

Sverdlov M.B. *Domongol'skaia Rus': Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI — pervoi treti XIII vv.* [Pre-Mongolian Rus: Prince and prince’s power in Russia VI — the first third of the XIII century]. St.-Petersburg, 2003. (In Russ.)

Sokolova L.V. Politicheskoe i didakticheskoe osmyslenie sobytii 1185 g. v letopisiakh i v «Slove o polku Igoreve» [Political and didactic comprehension of the events of 1185 in the annals and in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela russkoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Russian Literature at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. St.-Petersburg, 2006, vol. 57, pp. 91–102. (In Russ.)

Uzhankov A.N. «*Slovo o polku Igoreve*» i ego epokha [“The Tale of Igor’s Campaign” and its era]. Moscow, NITs «Akademkniga» Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

Uzhankov A.N. *O printsipakh postroeniia istorii russkoi literatury XI — pervoi treti XVIII veka* [On the principles of building the history of Russian literature XI — the first third of the XVIII century]. Moscow, 1996. (In Russ.)

Uzhankov A.N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI — pervoi treti XVIII veka: Teoriia literaturnykh formatsii* [Stadial development of Russian literature XI — the first third of the XVIII century: The theory of literary formations]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Uzhankov A.N. Evoliutsiia srednevekovogo mirovozzreniia i razvitie russkoi literatury XI–XVIII vv. [Evolution of the medieval world outlook and the development of Russian literature of the 11th — 18th centuries]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, 1994, vol. 7, no 1. (In Russ.)

On the new book by A.N. Uzhankov and the study “The Tale of Igor’s Campaign”

Andrey M. Ranchin

Abstract: The article considers A.N. Uzhankov’s works on *Slovo o polku Igoreve* (*The Tale of Igor’s Campaign*) and raises some general questions connected with the studies of the Old Russian national epic.

Ключевые слова: *Slovo o polku Igoreve* (*The Tale of Igor’s Campaign*), national medieval studies, historical and literary contexts, interpretation of a text, biblical subtext.

Информация об авторе: Andrey M. Ranchin, Doctor Hab. of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: aranchin@mail.ru